

ЛИДИЯ КОНДРАТИК,

ассистентка кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко

Концептуализация понятий “моральная экономика” и “экономическая мораль” в исторической и социологической науке

Abstract

The paper analyzes two notions elaborated within historiography and sociology, such as “moral economy” and “economic morality”. New opportunities for interdisciplinary dialogue are also considered. The fundamental difference between moral economy in traditional and modern societies is conceptualized with regard to the works of E.C.Banfield, J.Habermas, K.Polanyi, H.S.Becker, D.North, N.Luhmann and R.Inglehart.

Утверждения о кризисном состоянии социологии сейчас настолько распространены, что эта кризисность начинает казаться способом бытия социологического знания, а постоянный конкурентный диалог разнообразных социологических парадигм — его глубинной сущностью. Однако содержательная наполненность этого процесса на разных этапах становления социологического знания различна. По мнению одного из ведущих социологов современности, Э.Гидденса, важным аспектом кризиса социологического знания на современном этапе является плюрализм в интерпретации категориально-терминологического аппарата [1]. Таким образом, диалог между различными парадигмами в границах современной социологии становится более проблематичным, поскольку усложняется не только сопоставление и согласование отдельных методологических и теоретических положений, но и выяснение тождественности или различия предметных полей отдельных парадигм и теоретических конструкций. И хотя унификация терминологического аппарата представляет собой существенную проблему современной социологии и вообще социогуманитарных дисциплин, эта задача представляется необозримой перспективой. Проблема усложняется тем, что ряд понятий, унификация интерпретации которых была бы полезна в ракурсе всестороннего изучения конкретного предмета, используются не только в

рамках других дисциплин социогуманитарного и гуманитарного направления, но и в публицистическом дискурсе. А значит, необходимо усиление и углубление междисциплинарного диалога, в частности в том, что касается четкой концептуализации и размежевания понятий.

Одной из тем, на социологическое исследование которой ныне существует общественный запрос, является анализ взаимосвязи системы нормативной регуляции с экономическим поведением. Этот запрос обнаруживается во все большем присутствии указанной тематики в публичном дискурсе, что проявляется, в частности, в популяризации таких понятий, как “моральная экономика”, “экономическая мораль”, “социальная ответственность бизнеса” и т.п.

Предлагаемая статья посвящена очерчиванию и размежеванию понятий “моральная экономика” и “экономическая мораль” как возникавших и концептуализировавшихся в пределах исторической науки, в том числе и новой социальной истории, с одной стороны, и социологии — с другой. Цель такого сравнения и размежевания — более полная концептуализация социологического понятия “экономическая мораль”. По моему убеждению, глубинная концептуализация понятий актуальна и необходима, поскольку, как утверждает давняя английская поговорка, “дьявол скрывается в деталях”, иными словами, недостаточная концептуализация казалось бы “самоочевидных” понятий оборачивается хаотичностью научного поиска. Насколько мне известно, такое сравнение и размежевание до сих пор не осуществлялось. Начну с обзора генезиса аппликации понятия “моральная экономика” в исторической науке, рассмотрю возможные “точки соприкосновения” с предметом социологии, и наконец, сопоставлю полученные результаты с понятием “экономическая мораль”, которое с недавнего времени используется в социологии¹.

Топология научного поля, по терминологии П.Бурдьё, где обнаруживается взаимосвязь системы моральных регуляторов и экономического поведения, определяется двумя полюсами, двумя интеллектуальными традициями. Каждая в определенной степени соотносится с социальными практиками, наполнявшими контекст формирования этих традиций или являвшимися для их творцов важным элементом референтного состояния социума — прошлого или будущего². Рассмотрение этих интеллектуальных традиций позволяет очертить предмет социологии морали, являющийся важ-

¹ Прежде чем приступать к решению этих задач, следует заметить, что социальные явления, для описания которых используются понятия “моральная экономика” или “экономическая мораль”, были объектом научных поисков многих исследователей, таких как А.Смит, Г.Зиммель, М.Вебер и др., которые не использовали собственно эти понятия, изучая соотношение этических убеждений и экономической деятельности.

² Моя интерпретация интеллектуального дискурса вокруг нормативных аспектов экономического поведения перекликается с интерпретацией В.Радаева, отмечающего, что: “В течение большей части XX века в социальных науках велась упорная борьба между двумя огромными идеологическими течениями — марксизмом и либерализмом. Именно этим противостоянием во многом определялась ситуация в экономических и социальных науках. Фактически это была борьба между парадигмой планового хозяйства и парадигмой свободного саморегулируемого рынка (см.: Радаев В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Полаanyi // Экономическая социология. — 2004. Т. 5. — № 5. — С. 20–34).

ным аспектом обоснования относительно автономного статуса этой социологической субдисциплины.

Первая традиция исходит из превалирования общественного над индивидуальным, реципрокных моделей обмена над редистрибутивными и критического отношения к явлению социального неравенства, рассматривая его не как неотъемлемый и даже системообразующий фактор общественной жизни, а как проблему и источник опасностей. В рамках этой традиции, или дискурса, который можно не без оснований назвать коммунитаристским, представлен широкий спектр теоретико-методологических позиций: в частности, наряду с марксистской здесь представлена социальная доктрина католической церкви с ее наиболее радикальным проявлением — теологией освобождения, интегрирующей раннехристианские эгалитаристские и революционные мотивы. Система нормативной регуляции, присущая референтной модели социума, концептуализированной в рамках этой традиции в своих важных чертах, в значительной мере подобна системе нормативной регуляции традиционных обществ. Главным фактором формирования системы морали в таких обществах является относительная статичность социума, для которого характерно натуральное хозяйство, относительно закрытая система социальной мобильности, опосредованность производственных отношений через гомогенный коллектив по типу сельской общины, городской коммуны, касты, цеха, гильдии или прихода.

Противоположные исходные позиции занимает интеллектуальная традиция, в рамках которой индивидуальное обогащение и явление социального неравенства не проблематизируются (социальный дарвинизм А.Смолла и Л.Гумпловича, правый реализм Э.Бенфилда и др.) или же проблематизируются без радикального требования их искоренения (динамический функционализм Р.Мертона, теория конфликта Р.Дарендорфа и др.). Система нормативной регуляции, как и вся система общественных отношений в референтной модели социума, на которую ориентирована эта традиция, перестраивается в соответствии с принципами рациональности, происходит освобождение от патерналистской опеки государства и общности и становление абстрактных универсалистских правил рыночного поведения. В этом смысле указанную традицию можно назвать либерально-индивидуалистической.

Таким образом, очерченные интеллектуальные традиции (солидаристско-коллективистская и либерально-индивидуалистическая), хоть и отличаются в своих исходных, аксиоматических положениях, корреспондируют в том, что морально-этическая проблематика здесь вполне релевантна для анализа экономических трансформаций и явления социального неравенства.

Понятие “моральная экономика” более давнее и чаще употребляемое по сравнению с понятием “экономическая мораль”. Это понятие вошло в научный дискурс благодаря работе английского историка-марксиста, одного из основателей так называемой новой социальной истории Э.П.Томпсона и углубленно концептуализировалось в трудах американского ученого Дж.К.Скотта. Прежде чем приступить к детальному анализу концептуализации понятия “моральная экономика” в работах указанных авторов, рассмотрим теоретико-методологические особенности парадигмы новой социальной

истории, которой придерживались Э.П.Томпсон и Дж.Скотт¹. Нужно подчеркнуть, что об относительном единстве разных направлений в рамках парадигмы новой социальной истории свидетельствует ряд общих для них положений:

1. Критическое отношение к жесткому междисциплинарному делению ставило под сомнение систему организации научного знания в области общественных наук, строго очерчивающую предметные поля отдельных дисциплин. Новая социальная история отстаивала идею целостности, “ансамбля” социогуманитарных наук как знаний о человеке в обществе. Актуальным становится новый подход к познанию прошлого в его культурно-социальной целостности (тотальности). Появляется и утверждается идея необходимости создания тотальной истории, даже тотальной науки о человеке и обществе, которая бы отражала все многообразие сфер социальной реальности в их целостности. Именно поэтому признается целесообразным привлекать достижения смежных научных дисциплин: антропологии, этнологии, статистики, социологии и др.²

2. Одним из главных методологических принципов новой социальной истории является акцент на социальных корнях исторических процессов, требование изучать историю “снизу”, то есть концентрировать внимание на социальных группах, классах, общностях. Поскольку история создается “снизу”, отпадает необходимость в исследовании повседневных взаимодействий, личного опыта, представлений, верований, идей и понятий. Отсюда вытекает чрезвычайное расширение предметного поля исторической науки и возникновение широкого спектра исторических субдисциплин, разного рода “историй”: детства, женщин, ментальности, тела, жеста, мифа, питания, села, города, “устной истории”, “истории повседневности” и т.п.

3. Для новой социальной истории характерно неприятие вульгарно позитивистского подхода к описанию истории и представление о функциях историка как регистратора событий, их хронографа. Учитывая неоднородность направления новой социальной истории, этот принцип, с одной стороны, способствовал развитию упомянутых выше субдисциплин и отходу от “великой истории”, а с другой стороны, имел последствием утверждение исторической науки как дисциплины аналитической, призванной проникнуть “глубже лежащих на поверхности фактов”.

Собственно к последнему из названных направлений новой социальной истории следует отнести работы Э.П.Томпсона, который усматривал в выявлении так называемых универсалий одну из задач исторической науки. Сложность подхода, предложенного Томпсоном, заключается в том, что выявление этих универсалий автор начинает с анализа повседневных взаимодействий. Именно этому автору принадлежит фраза о том, что многим “главным действующим лицам” исторической науки прошлого — политикам, мыслителям, предпринимателям, генералам — придется поступиться

¹ Замечу, что позиционировать Дж.К.Скотта в рамках одной дисциплины сложно. Литература, в которой анализируются работы ученого, позиционирует его как историка, экономиста, антрополога, политолога.

² Одним из аргументов против чрезмерно жесткого деления является то, что это приводит к абсолютизации идеальных типов “человека экономического”, “человека политического”, “человека религиозного”, “человека культурного” и др.

местом, поскольку на передний план пробиваются те, кого ранее считали всего лишь зрителями исторического процесса — представители “низов” общества, его депривированные слои.

Взгляды, которые мы считаем стержневыми в дальнейшей концептуализации понятия “моральная экономика”, были изложены Э.П.Томпсоном в работе “Моральная экономика английской черни в XVIII веке”, опубликованной в 1971 году [2]. В центре внимания указанного труда — ранние годы индустриальной революции, отмеченные масштабными и частыми социальными волнениями. Острота социальной напряженности в то время возрастала еще и в результате интенсификации процессов урбанизации, вследствие которых вчерашние депривированные крестьяне становятся депривированными городскими жителями, отчуждение и обнищание которых только усиливается. Именно эта группа населения, выброшенная за пределы натурального хозяйства в хозяйство денежное, активно выступает против элементов новой экономической системы, которая в своих главных чертах, как веберовский идеальный тип, описана современником тех событий А.Смитом.

Анализируя беспорядки, известные под названием “хлебные бунты”, Э.П.Томпсон не удовлетворяется поверхностным объяснением этих процессов, в частности с помощью таких факторов, как повышение уровня безработицы. Исследователь не только ищет конкретную причину определенного события, а старается описать модель ряда социальных явлений, подобных данному. Глубинной причиной указанных событий, по мнению Э.Томпсона, было то, что новые правила организации экономической деятельности противоречили народным обычаям, представлениям о том, что является законным, а что — противозаконным. Эти представления о хозяйственных функциях и взаимных обязанностях отдельных членов общества и организаций формировались в течение длительного времени и были частью сложного социального механизма смягчения социального неравенства и нейтрализации обусловленного им конфликтного потенциала. Сумму таких представлений Э.Томпсон называет “моральной экономикой черни” (англ. — *moral economy of the poor*).

Как отмечает Э.П.Томпсон, новая модель экономических отношений, связанная с ограничением патерналистских функций государства и утверждением свободнорыночной конкуренции как центрального механизма функционирования экономики, воспринималась населением без особого сопротивления. Это касается даже наиболее депривированных слоев населения, а именно городской бедноты. Так продолжалось до тех пор, пока текущая экономическая конъюнктура способствовала сохранению относительного уровня благосостояния, а именно в урожайные годы, когда цены на хлеб снижались. Когда же условия были неблагоприятными и для городской бедноты вставала проблема выживания, вопросы моральной экономики заострялись и происходили волнения. Бунтари исходили из убеждения в легитимности своего протеста, которое давала им моральная экономика — система представлений о том “как должно быть”. Согласно обычаям моральной экономики, бедняки требовали, чтобы зерно потреблялось там, где выращивается (вывоз зерна за границу считался аморальным) и сбывалось без посредников. Некоторые требования моральной экономики со временем формализовались. Так, в начале торгового дня городская беднота получала право приобретать хлеб, муку или зерно по льготной, так сказать, со-

циальной цене, и лишь потом начиналась торговля для более состоятельных, и здесь уже цену в большей мере определяла игра спроса и предложения. Таким образом, через перераспределение ресурсов на основе временно-го введения условий торговли, которые были невыгодными и даже убыточными для предпринимателей, включался механизм, известный в рамках социологического дискурса под названием “направленное на спад уравни-тельное давление” (англ. — downward leveling pressure) [3].

Дальнейшая концептуализация понятия “моральная экономика” связа-на с работами американского исследователя Дж.Скотта. Используя метод включенного наблюдения, исследователь изучал эволюцию властных отно-шений в сельских сообществах Юго-Восточной Азии: в Бирме, Вьетнаме, Малайзии и Индонезии. В конце 60-х — в начале 70-х годов XX века Дж.Скотт долгое время жил в качестве полевого антрополога в бедном ма-лайзийском поселке. Он ознакомился с жизнью этого поселка, сумел обнару-жить сложную сеть экономических, социальных и личностных человеческих отношений, благодаря которым сообщество жителей поселка создавало эф-фективные механизмы выживания. Ученый доказал, что структура сообщес-тва отнюдь не сводится к наличию бедных и богатых. Гораздо важнее — непи-санный этический закон, согласно которому голодная смерть может угрожать отдельному жителю поселка лишь тогда, когда эта угроза оказывается реаль-ной одновременно для всех его жителей. Иными словами: все сельские домо-хозяйства имеют право на минимальный прожиточный уровень, даже если для этого необходимо перераспределение экономических ресурсов¹.

Социальным идеалом сельских сообществ в традиционном обществе, по мнению Дж.Скотта, можно считать моральную экономику выживания, центральным принципом которой является отказ от рисков. Таким образом, предпринимательский азарт и попытки организации предприятия за преде-лами отдельного домохозяйства отходят на второй план, кроме ситуаций угрозы физическому существованию членов сообщества. Концентрация ре-сурсов физически желательной и допустимой только с целью их экономного потребления, а инвестирование этих ресурсов в рискованные проекты недо-пустимо. Это объясняется тем, что исследуемые Дж.Скоттом сообщества постоянно балансировали на грани голода² [5, с. 1].

Следует отметить, что работы этого ученого повлияли на представления об исторической эволюции власти от традиционного до современного об-щества. Рассматривая господство и подчинение в традиционных обществах, переживающих ускоренную трансформацию, Дж.Скотт делает важные за-мечания, несколько изменяющие принятое от А.Грамши видение классовых отношений и доминирования. Напомним, А.Грамши говорит о том, что ра-

1 Одним из таких механизмов перераспределения является ежегодный подарок от землевладельца, который воспринимается крестьянами не как жест его доброй воли, а как его обязанность. В силу синтеза местной традиции с нормами ислама этот акт полу-чил название “закят” [4, с. 193].

2 Одной из уместных параллелей, позволяющих наладить собственно междисципли-нарный диалог, выступает концепция объединительного социального капитала (англ. — bonding social capital), способствующего выживанию (англ. — getting by). Этой разно-видности социального капитала противопоставляется связующий социальный капитал (англ. — bridging), способствующий прогрессированию в социальной структуре (англ. — getting ahead) [7].

бочий класс обязательно должен создать собственную культуру, которая позволит отказаться от восприятия эксплуататоров как носителей “нормальной” культуры, “нормальной” системы ценностей, а значит, и от восприятия собственного класса как отсталого. В отличие от Грамши, Скотт в работе “Господство и искусство сопротивления: скрытые послания подчиненных групп” на основании широкого исследования историографических и литературных источников показывает, что существование социума определяется внутренней динамикой “скрытых посланий” — динамикой скрытого противостояния между депривированными и власть предержащими, материальными ресурсами и престижем, между различными социальными слоями, находящимися на разных ступенях социальной иерархии [6]. Ежедневное сопротивление власти со стороны крестьян проходит под лозунгом “Подчиняюсь, но не покоряюсь”, это мелкий саботаж, уклонение, “забывчивость”, скрытое глумление над наделенными властью¹.

Понятие “оружие слабых”, а также концептуализация постоянного “мягкого” сопротивления социальному доминированию заставляет кое в чем пересмотреть существующие представления о моральной экономике. Оказывается, что моральная экономика может быть одной из составляющих рациональной стратегии сопротивления депривированных. Они могут целенаправленно инструментализировать мораль ради перераспределения ресурсов в свою пользу.

Замечу, что, с одной стороны, понятие “моральная экономика” означает, что основными регуляторами экономической системы являются этические нормы, кодифицированные в обычном праве или религиозной доктрине. Но, с другой стороны, автор позиционирует себя по отношению к исследуемым явлениям и четко указывает на то, что этическая отстраненность научного анализа на сей раз отброшена. Термин, употребляемый Э.П.Томпсоном и Дж.Скоттом, может иметь и другой, незамеченный, оттенок, а именно — иронии по поводу того, что главным ресурсом, циркулирующим в пределах моральной экономики, является отношение членов сообщества друг к другу, одобрение или осуждение. Таким образом, можно утверждать, что словосочетание “моральная экономика” — это оксиморон, то есть объединение слов с несовместимым значением, а в лучшем случае некая “недоэкономика”, оперирующая нематериальными ресурсами. Таким образом, единственное, в чем может быть эффективной моральная экономика, — это сохра-

¹ Дж.Скотт цитирует известного английского публициста и писателя-антиутописта Дж.Оруэлла. В рассказе “Как я стрелял в слона” Оруэлл вспоминает период своей службы в колониальной британской администрации в Бирме. Приведем эту цитату: “В городе, где я занимал должность окружного полицейского, сильно ощущались антиевропейские настроения, которые, правда, проявлялись как-то бесцельно и мелко... Как полицейский офицер я часто становился мишенью для оскорблений, которым я подвергался всякий раз, как только представлялся случай сделать это безнаказанно. Если на футбольном поле какой-нибудь бирманец подставлял мне подножку, а судья, тоже бирманец, демонстративно смотрел в другую сторону, толпа взрывалась отвратительным хохотом”. Далее в этом автобиографическом рассказе Оруэлл пишет: “Я понял тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар своей собственной свободе... поскольку условие его господства заключается в том, чтобы постоянно производить впечатление на аборигенов и своими действиями в любой ситуации оправдывать их ожидания” [8].

нение status quo, выживание сообщества на уровне полуголодного прозябания, но не его развитие и продвижение.

Обрисовав в общих чертах концептуализацию понятия “моральная экономика”, представленную у Э.П.Томпсона и Дж.Скотта, сделаю предварительные обобщения. Итак, понятие “моральная экономика” описывает целый класс явлений. Если традиционная историческая наука является индивидуализирующей и изучает конкретные феномены (например, Жакерию или ГайдаMATчину), новая социальная история предполагает очерчивание человеческих универсалий, например в форме устойчивых моделей развертывания социальных процессов. Именно такую модель обозначает понятие “моральная экономика”¹. Я склоняюсь к следующей формулировке центрального тезиса теории моральной экономики: в ситуации изменения экономической системы по направлению к автономизации депривированные социальные группы могут инструментализировать положения конкретных нормативных систем с целью перераспределения ресурсов в свою пользу.

Известно, что неотъемлемой чертой любой теории является генерализация. Если нет такой черты, то не имеет смысла говорить о теории. Наряду с работой Э.П.Томпсона, посвященной Англии XVII века, и трудами Дж.Скотта, посвященными крестьянским сообществам Юго-Восточной Азии, весомое место в исследовании соотношения этической и экономической деятельности сообществ занимает труд одного из выдающихся правых мыслителей XX века Э.К.Бенфилда “Моральные основания отсталого общества” [10]. Рассмотрим положения работы этого автора с целью верификации положений, изложенных в трудах Э.П.Томпсона и Дж.Скотта. Как отмечалось, Томпсон и Скотт изображают довольно непротиворечивую картину: депривированное сообщество путем инструментализации морали добивается перераспределения ресурсов в свою пользу. Работа Бенфилда, которая послужит нам в исследовании так называемым верификатором указанных теоретических построений, посвящена подобной проблематике. В центре ее внимания — локальное сообщество, чрезвычайно неэффективное экономически.

Неэффективность этого сообщества, названного фиктивным именем Монтеграно, автор объясняет “неспособностью крестьян действовать совместно ради их общего блага и вообще ради чего бы то ни было, что выходит за пределы непосредственных материальных интересов нуклеарной семьи”, а это, в свою очередь, объясняется “этосом аморального фамилизма” [9, с. 10–11].

Замечу, что, на первый взгляд, у Э.Бенфилда отсутствует анализ соотношения этической системы и экономического неравенства, а также механизмов перераспределения ради смягчения социального неравенства. Возникает вопрос, есть ли в Монтеграно моральная экономика? А если нет, то можно ли говорить о “теории моральной экономики”, поскольку описанные социальные механизмы не являются универсальными?

Отвечая на эти вопросы, отмечу, что, во-первых, работа Э.Бенфилда вышла в 1958 году, тогда как исследования Э.П.Томпсона и Дж.Скотта — в на-

¹ Так, одним из оснований, по которым М.Грушевского относят к социологам, является его теория “колебательной динамики” общественной эволюции, под которой ученый подразумевал “противостояние и состязание противоположных стремлений к коллективизму, с одной стороны, и индивидуальной самодостаточности — с другой” [см.: 9, с. 121].

чале и в середине 1970-х. Указанные временные рамки не только отделены друг от друга более чем десятилетним промежутком, но и указывают на в целом разнородную историческую и интеллектуальную среду, разнящуюся и по методологическим подходам, и по направлению внимания исследователей на те или иные социальные процессы. Если Э.П.Томпсон и Дж.Скотт анализировали то, как представителям депривированных слоев удастся выживать, Э.Бенфилд, как представитель правого реализма, нацеливает свое внимание на то, почему крестьяне Монтеграно являются бедными¹.

Во-вторых, сообщества, которые исследуют Э.П.Томпсон, Дж.Скотт и Э.Бенфилд, существенно различаются. Среди упомянутых сообществ больше всего выделяется сообщество Монтеграно, поскольку в институциональном, технологическом и, в какой-то мере, социальном смысле оно представляет собой модернизирующееся общество. В Монтеграно есть школа, обучение в которой продолжается до 5 класса, более 50% крестьян грамотные, есть выборные органы местного самоуправления, политические партии, кинотеатры и кафе, адвокат и врач, бесплатно оказывающий услуги занесенным в соответствующий список самым бедным. Рядом с поселком имеется сиротский приют. Однако главное отличие заключается в том, что в Монтеграно никто не умирает от голода. По свидетельству Э.Бенфилда, жизнь беднейших крестьян из Монтеграно в каком-то смысле напоминает положение “человека, стоящего по шею в воде”². Вместе с тем, как замечает Бенфилд, “никто не умирает с голоду, если под смертью от голода иметь в виду смерть прямо, а не опосредованно вызванную отсутствием еды” [9, с. 58]. Таким образом, в Монтеграно мы находим меньше объективных причин говорить о невыносимости ситуации социального неравенства для депривированных слоев населения, нежели можно обнаружить в случаях, описанных Томпсоном и Скоттом.

В-третьих, инструментализация морали ради перераспределения ресурсов присутствует и в Монтеграно, однако проявляется она не в хлебных бунтах, а гораздо более институционализированным образом, присущим современным обществам. По свидетельству Э.Бенфилда, в Монтеграно то или иное влияние имели коммунистическая, социалистическая, монархистская, неофашистская партии и партия христианских демократов. И несмотря на то, что в Монтеграно не существовало формальных ячеек этих политических партий, а скорее существовали нестабильные круги их симпатиков, а указанные политические партии фактически не участвовали в

1 Отдельные высказывания Э.Бенфилда можно считать неприемлемыми в современном интеллектуальном дискурсе. В частности, в работе “Нравственные основания отсталого общества” он пишет: “Невозможно создать мощную организацию там, где каждому для удовлетворения своих желаний достаточно протянуть руку к ближайшей кокосовой пальме”, что, безусловно, является намеком на африканские колонии европейских метрополий и молодые независимые постколониальные государства [9, с. 8].

2 Бенфилд пишет: “Крестьянин и его жена были безутешны, когда их свинья задушилась на привязи. Женщина рвала на себе волосы и билась головой об стену, а мужчина молча сидел в углу. Потеря свиньи означала, что у них не будет мяса этой зимой, не будет смальца, чтобы намазывать на хлеб, нечего будет продать за наличные, чтобы уплатить налоги, и не будет возможности завести свинью следующей весной. Такие удары судьбы возможны ежесекундно. Поля могут пострадать от наводнения. Могут прийти болезни. Быть крестьянином означает быть безоружным перед возможностью таких вещей” [9, с. 64].

управлении местными делами, сознание населения Монтеграно было ощущаемо политизированным¹.

Британский социолог А.Сэер предлагает социологический взгляд на понятие “моральная экономика”. В интерпретации этого исследователя “моральная экономика” — ключевое понятие подхода, в котором фокус исследовательского внимания концентрируется на ориентациях населения относительно таких понятий, как справедливость, равенство и благосостояние. По мнению Сэера, моральная экономика существует не только в традиционных, примитивных или депривированных сообществах [11]. Современной “реинкарнацией” моральной экономики являются идеи относительно моральной рыночной экономики, то есть такой организации экономической системы общества, которая использует рыночные силы моральным образом [12], относительно роли государства в сглаживании социального неравенства и относительно социальной ответственности бизнеса². Помимо этой реинкарнации возобновляются и традиционные моральные экономики³.

По моему мнению, принципиальное различие между установлением моральной экономики в обществах традиционных, примитивных и в обществах современных заключается в том, что именно в современных обществах инструментализация морали с целью перераспределения ресурсов происходит не столько по инициативе самих депривированных, сколько по инициативе социальных акторов, наделенных весомыми ресурсами власти, богатства и престижа. Следует учитывать, что комплекс ориентаций, который мы называем моральной экономикой, может быть объектом отношений власти. В концептуализации этого аспекта актуализации моральной экономики в современных обществах считаю целесообразным обратиться к взглядам К.Поланьи и Н.Лумана, теории колонизации жизненного мира Ю.Хабермаса и к теории морального предпринимательства Г.С.Беккера.

Понятие “моральная экономика” касается не только одного локализованного во времени события, как, например, волнения депривированной городской бедноты в Англии XVII века. Это понятие описывает определенное состояние взаимосвязи между экономической системой, то есть устойчивой системой взаимодействий по обмену ресурсами, с одной стороны, и ценностными представлениями той или иной части общества относительно этой эко-

1 Так, из 42 жителей Монтеграно, с которыми Э.Бенфилд провел глубинные интервью, только один не смог сказать, какие взгляды отстаивает коммунистическая партия. Обобщенные ответы остальных респондентов были следующими: “за равенство, мир, свободу и право на труд”, “за рабочие места для всех”, “против церкви”, “за то, чтобы отнять собственность у богатых” [9, с. 36].

2 Дж.Хиз, автор исследования “Эффективное общество”, говорит о том, что современная Канада является системой моральной экономики, поскольку характеризуется балансом между свободой предпринимательства и конкуренции и социальными потребностями [13].

3 “Существует всеобщее убеждение в том, что свободнорыночное устройство экономики — единственный выход из бедности, каким бы сложным он ни был. Вместе с тем сегодня “дерегуляция национальных экономик в целом привела к крайне неравномерному распределению богатства... Учитывая чрезвычайную неэффективность управления, африканцы не могут уверенно полагаться на защиту со стороны государства от неконтролируемых рыночных сил. Единственная возможность, которая им остается, — обращаться к существующим связям в сообществе (communal ties)” [14].

номической системы. Несколько схематично анализируя процессы трансформации экономических систем на уровне идеальных типов, такие ученые, как К.Поланьи и Н.Луман описывают их как переход от “укорененных экономик” (англ. — embedded economies) к автономным экономикам (англ. — autonoymous economies) или от систем иерархической дифференциации к системам функциональной дифференциации [15; 16]. Укорененная экономика служит социальным, политическим и религиозным ценностям (Поланьи), равно как в иерархически дифференцированной системе политика и религия могут определять содержание экономических отношений (Луман). В автономной или функционально дифференцированной экономической системе, напротив, работают в основном внутренние механизмы ее развертывания.

Таков вектор глобальных социальных трансформаций. Вместе с тем не следует абсолютизировать эту тенденцию и уподоблять отдельные самореферентные сферы социальной реальности монадам, описанным Г.Лейбницем. Мораль и экономика оказываются в разных самореферентных сферах, однако, как замечает, в частности, Ю.Хабермас, наряду с указанным вектором изменений существуют и другие аспекты социальных трансформаций. По мнению последнего, социальную реальность все в большей степени определяет экспансия политического и экономического в частную сферу “жизненного мира”. В современном мире экономическая система “колонизирует” жизненный мир, непрерывно и систематически разрушая “сферы действия, зависящие от социальной интеграции”, а значит, и разрушая моральную экономику [17, с. 327].

Следовательно, если в укорененной или иерархически дифференцированной экономической системе инструментализация морали была следствием объективного противоречия между нормативной системой и новыми тенденциями в экономической системе, то в современных условиях инструментализация морали инициируется в политической и экономической социальными акторами, наделенными необходимыми для такой инструментализации ресурсами. Здесь происходит инструментализация самих депривированных социальных групп.

Завершает эту концептуализацию теория морального предпринимательства Г.Беккера [18]. Одним из центральных методологических принципов, на которые опирается Беккер, является конструктивизм — теоретическая модель исследования, согласно которой символические формации (нормативные системы, идеологии, концепции, стереотипы и др.) необязательно являются отражением “истины” или реальности, а определяются жизнеспособностью или политической целесообразностью и продуцируются конкретными социальными акторами.

Г.С.Беккер говорит о том, что благодаря возрастанию роли общественного мнения в современном мире (работа написана в 1963 году в Соединенных Штатах Америки) появляются новые механизмы экономического, культурного и политического доминирования. В крайне дифференцированном обществе правила, нормы и определения продуцируются по инициативе и под давлением конкретных социальных акторов. Тех, чьей профессией становится деятельность по переформулированию границ допустимого и необходимого, Беккер называет моральными предпринимателями. Совокупность мероприятий, направленных на подобное переформулирование, — моральными крестовыми походами. Важным представляется убеждение Г.Беккера в том, что моральными предпринимателями обычно стано-

вятся далеко не представители депривированных социальных слоев. Более того, как отмечает Г.С.Беккер, моральные крестовые походы довольно часто поддерживают те, чьи мотивы отнюдь не являются альтруистическими. Так, “сухой закон” в Соединенных Штатах Америки в 30-х годах XX века поддержали владельцы крупных предприятий, поскольку считали, что таким образом получают больше трудоспособных и управляемых работников, а сопротивление легализации игрового бизнеса в штате Калифорния финансировалось владельцами казино из штата Невада. Приведенные примеры служат иллюстрациями качественно иного способа инструментализации морали по сравнению с моральной экономикой депривированных сообществ, описанной Э.П.Томпсоном и Дж.Скоттом. Центральное отличие заключается в том, что субъектами, которые инструментализируют мораль, выступают уже не депривированные группы, а те, кто наделен властью и другими ресурсами. Таким образом, инструментализируются сами депривированные группы или группы недовольных, если речь идет, например, о протестах против легализации легких наркотиков, порнографии, проституции, сокращении социальных расходов, приватизации государственных предприятий и т.п.

Рассмотрев концептуализации понятия “моральная экономика”, предложенные Э.П.Томпсоном и Дж.Скоттом, а также углубив его с привлечением взглядов Э.К.Бенфилда, А.Сэера, Ю.Хабермаса, К.Поланьи, Н.Лумана и Г.С.Беккера, можно перейти к рассмотрению понятия “экономическая мораль”.

Как отмечалось выше, понятие “моральная экономика” значительно более концептуализировано и распространено, чем понятие “экономическая мораль”. Частично это обусловлено тем, что для описания соотношения этического и экономического в социогуманитарной мысли использовались другие понятия. Так, еще в 1759 году А.Смит опубликовал работу под названием “Теория морального чувства” (The Theory of Moral Sentiment), в которой детально останавливался на соотношении этического и рационально-экономического, не употребляя понятия “экономическая мораль”. По мнению Смита, рациональные, эгоистические соображения являются движущей силой не только экономической деятельности человека, но и всех социальных взаимодействий. Центральным объектом исследования А.Смита является феномен не только существования, но и совершенствования общечеловеческой морали в экономической сфере наряду с индивидуализмом. Таким образом, поиск источника, где впервые употребляется термин “экономическая мораль”, не имеет особого смысла¹.

Очевидно, что одной из наиболее обоснованных концептуализаций понятия “экономическая мораль” является предложенная коллективом авторов одного из модулей второй волны “Европейского социального исследования” (2004–2005)². Как подчеркивают авторы этой концептуализации, теоретической базой ее изучения является, с одной стороны, новая институционалистская экономика [21], а с другой — разработки Р.Инглехарта, который иссле-

¹ Отмечу только, что истоки применения этого термина, насколько мне удалось изучить этот вопрос, относятся к началу XX века и связаны, преимущественно, с теологическим дискурсом [см.: 19].

² Авторами рассмотренной ниже концептуализации являются С.Карстедт, С.Фаррелл, А.Стоянов, К.Басманн и Г.Скапская [20].

довал изменения системы ценностей в контексте потребления [22]. Рассмотрим эти теоретико-методологические основания с целью более глубокого понимания концептуализации экономической морали, предложенной авторами соответствующего модуля “Европейского социального исследования”.

Хотя нет оснований говорить о наличии единого “канонического” текста, в котором бы содержались важные для новой институционалистской экономики позиции, тем не менее основателем этого направления считают Д.Норта, чье размежевание между организациями и институтами стало краеугольным камнем новой институционалистской экономики. Согласно Норту, институтами являются “правила игры”, формальные и неформальные, которые определяют поведение индивидов и структурируют социальные взаимодействия. Организации же — это устойчивые группы людей, координирующих свою коллективную деятельность. Согласно концептуализации экономической морали авторов одноименного модуля “Европейского социального исследования”, экономическая мораль является собственно социальным институтом, то есть “системой правил игры”. Совокупность институтов образует институциональные рамки (англ. — institutional framework), структурирующие деятельность отдельных индивидов и их взаимодействия. Аналитически можно разграничить институциональные рамки, действующие на трех уровнях:

Первый, глубинный уровень, на котором институциональные рамки структурируют социальную реальность, — это уровень так называемых укорененных (англ. — embedded) социальных институтов, к которым относятся традиции и обычаи. Эти институты формируются в течение длительного времени и отличаются высокой ригидностью по отношению к внешним влияниям.

На втором уровне институциональные рамки определяются формальными институтами, такими как законы.

Третий уровень институциональных рамок охватывает более детализированные правила, касающиеся организаций и определяющие взаимодействие в ситуациях сотрудничества и конфликта, обмена и торговли [21].

Привлечение результатов исследований Р.Инглехарта завершает концептуализацию экономической морали. Согласно последнему, в каждом рыночном потребительском обществе формируются особые, в той или иной мере кодифицированные, однородные ценностно-нормативные модели, ориентированные на потребление. Важными составляющими таких ценностно-нормативных моделей выступают равенство и автономность индивидов, особенно в сфере потребления. Сфера потребления становится самой определяющей в процессе индивидуализации. Наряду с либерализацией современных обществ расширяется выбор между вариантами поведения. А значит, динамика, возникающая в ценностно-нормативной системе, ориентированной на потребление, оказывает решающее влияние на другие сферы социальной жизни. Модели поведения, касающиеся потребления, переформулируют модели взаимодействий в других сферах социальной реальности. Собственно из второй составляющей вытекает актуальность исследования экономической морали, которая является, так сказать, универсальной и касается чуть ли не всех обществ современного мира [22].

Таким образом, рассмотрев концептуализации понятий “моральная экономика” и “экономическая мораль”, можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. Указанные понятия употребляются в текстах, относящихся к разным дисциплинарным сферам. Понятие “моральная экономика” используется в текстах, характеризующихся выразительной историографической окраской. Гораздо сложнее “локализовать” дисциплинарные рамки употребления понятия “экономическая мораль”, что, по-видимому, свидетельствует о его активном использовании, в основном, в публицистическом дискурсе, а значит, и о недостаточном уровне его концептуализации.

2. Понятие “моральная экономика” является центральным для концептуального построения, описывающего универсальную модель взаимосвязи ценностно-нормативной и экономической систем, одним из важных аспектов которой являются механизмы инструментализации морали депривированными группами населения с целью перераспределения ресурсов в свою пользу. Таким образом, моральная экономика является центральным механизмом так называемой экономики выживания (англ — *subsistence*) депривированных сообществ.

3. Моральная экономика существует в обществах на разных этапах их развития, хотя наиболее рельефно проявляется в период трансформации экономических систем, их автономизации и освобождения от давления политической и религиозной сферы. Сегодня понятие “моральная экономика” является центральным в широкой дискуссии, касающейся нормативных ограничений, которые структурируют экономическое взаимодействие и могут смягчать негативные последствия функционирования свободно-рыночных экономических систем. Указанные процессы в современных обществах происходят с тем существенным отличием, что инструментализация морали и соответствующее перераспределение ресурсов инициируются и осуществляются социальными акторами, наделенными значительными ресурсами. Таким образом, инструментализируются собственно депривированные группы и их интересы.

4. Понятие “экономическая мораль” шире, чем понятие “моральная экономика”. Концептуализация обоих понятий включает теоретико-методологические основания неинституциональной парадигмы. Следовательно, понятие “экономическая мораль” указывает на широкие институциональные рамки, структурирующие экономическую деятельность, а понятие “моральная экономика” указывает на один из механизмов действия указанных институциональных рамок.

5. Актуальность исследования указанной проблематики обусловлена тем, что современное украинское общество затронуто глобальной динамикой повышения роли потребления в процессе социализации, индивидуализации и формирования моделей социального поведения. За несколько последних десятилетий важнейшим изменением в ценностно-нормативной сфере стал сдвиг от моделей, делавших акцент на важности обязанностей и конформности по отношению к одобряемым обществом нормам, в сторону моделей, акцентирующих автономность принятия решений и поощряющих неконформистское поведение. В итоге индивидуальная автономия, спроецированная в ценностно-нормативную сферу, неизбежно приводит к незаконным и неморальным практикам. Рыночная система действует, базируясь на ряде норм и моральных обязательств. Это институт в неинституциональном смысле слова. Изменения ценностно-нормативной системы влияют на стабильность этой структуры, на баланс объективного и нормативного. При дестабилизации этой структуры, которая в украинских условиях

протекает в форме транзита от государственного социализма к рыночной экономике, у индивидов усиливается ощущение несправедливости экономической системы. Данное ощущение превращается в индивидуальную нормативную трансгрессию. Это, в терминах Дж. Скотта, оружие слабых, что свидетельствует, в частности, в пользу гипотезы, согласно которой ощущение депривированности и несправедливости функционирования экономической системы и деятельности ее отдельных субъектов сопровождается склонностью к нарушениям формальных и “неписаных” норм поведения в экономической сфере. Это тема, которая заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

1. *Giddens A.* Nine Theses on the Future of Sociology // *Giddens A. Social Theory and Modern Sociology.* — Cambridge, 1987. — P. 22–51.
2. *Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the XVIII Century // *Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture.* — New York, 1971. — P. 185–258.
3. *Portes A., Landolt P.* Unsolved Mysteries: The Tocqueville Files II: The Downside of Social Capital // *The American Prospect.* — 1996. — №6. — P. 18–21.
4. *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. — New Haven, 1985.
5. *Scott J.* Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. — New Haven, 1977.
6. *Scott J.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. — New Haven, 1990.
7. *Putnam R.* Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community. — New York, 2000.
8. *Оруэлл Дж.* Как я стрелял в слона // <http://www.lib.ru/ORWELL/elefant.txt> [16.08.07].
9. *Benfield E.C.* The Moral Basis of the Backward Society. The Free Press. — Glenkoe, 1958.
10. *Черниш Н.* Соціологія : Курс лекцій. — Львів, 2003.
11. *Sayer A.* Moral Economy. — <http://www.lancs.ac.uk/fss/sociology/papers/sayer-moral-economy.pdf> [12.03.2007].
12. *Powelson J. P.* The Moral Economy. — Michigan, 1998.
13. *Heath J.* The Efficient Society: Why Canada is as Close to Utopia as it Gets. — Toronto, 2005.
14. *Tsuruta T.* African Imaginations of Moral Economy: Notes on Indigenous Economic Concepts and Practices in Tanzania // *African Studies Quarterly.* — 2006. — № 9 (1–2). — P.19–35 // <http://web.africa.ufl.edu/asq/v9/v9i1a8.htm>.
15. *Полань К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. — СПб., 2002.
16. *Luhmann N.* Social Systems. — www.springerlink.com/index/XH4HR843T713P613.pdf [22.03.2007].
17. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. — Vol. 2. — Boston, 1989.
18. *Becker H.S.* Moral Entrepreneurs: The Creation and Enforcement of Deviant Categories // *Social Deviance: Readings in Theory and Research* / Ed. by H. N. Pontell. — Prentice Hall; Upper Saddle River, 1999.
19. *Ward H. F.* Our Economic Morality & the Ethic of Jesus. — New York, 1929.
20. *Karstedt S., Farrall S., Stoyanov A., Bussmann K., Skapska G.* Economic Morality in Europe: Market Society and Citizenship. — http://www.europeansocialsurvey.org/index.php?option=com_docman&task=doc_download&gid=20&Itemid [16.08.07].
21. *North D.C.* Structure and Change in Economic History. — New York, 1981.
22. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. — New York, 1997.